

Международное гуманитарное право: насколько ограничены возможности международного правосудия?

Николай Гнатовский*

В статье предпринимается попытка оценить соответствие деятельности международных судебных учреждений в сфере международного гуманитарного права ожиданиям субъектов международного права и иных международных акторов. Проанализировав ряд особенностей международных судебных органов, применяющих международное гуманитарное право, а также модальности такого применения, автор приходит к некоторым выводам о потенциале судебного применения норм и принципов международного гуманитарного права на международном уровне.

→ *Международное гуманитарное право; Международный Суд; Международный уголовный суд; Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии; региональные суды по правам человека; международное уголовное правосудие*

Международное гуманитарное право, понимаемое здесь как нормы и принципы международного права, ограничивающие применение насилия во время вооружённых конфликтов с целью гуманизации последних, продолжает занимать весьма заметное место в международно-правовом дискурсе. Тематика международного гуманитарного права неизменно присутствует в обсуждении любых вооружённых конфликтов (а их, как известно, и сегодня немало), им руководствуются (или, как минимум, учитывают при принятии решений и формулировке приказов) политики и военные, на него уповают лица, ставшие или потенциально могущие стать жертвами вооружённых столкновений. Одним из аспектов международно-правовой реальности в сфере гуманитарного права является его применение международными судебными учреждениями. Настоящий очерк посвящён именно

этому аспекту, а в частности — пределам возможностей органов международного правосудия в сфере международного гуманитарного права, соответствию результатов их работы ожиданиям субъектов международного права и других акторов. Важность ответов на эти вопросы представляется нам очевидной, поскольку без них любые оценки эффективности международных судебных органов и действенности самого международного гуманитарного права едва ли окажутся в достаточной степени обоснованными.

В первой части настоящего очерка автор постарается оценить соответствие деятельности международных судебных учреждений в сфере международного гуманитарного права ожиданиям субъектов международного права и иных международных акторов. Вторая часть очерка посвящена ряду особенностей международных судебных органов, при-

* Гнатовский Николай Николаевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (e-mail: gnatovsky@gmail.com).

меняющих международное гуманитарное право, а также модальностям такого применения. В заключительной части этой работы автор постарается прийти к выводам о потенциале судебного применения норм и принципов международного гуманитарного права на международном уровне для разрешения международных споров, осуществления индивидуальной уголовной ответственности, компенсации жертвам вооружённых конфликтов и развитию международного права в целом.

Международное гуманитарное право сегодня: ожидания и реальность

Вопросы войны или, используя современные эвфемизмы, вооружённых конфликтов и применения силы в международных отношениях, всегда были пробным камнем для международного права. В XX веке международное право достигло немалых успехов в этих чувствительных вопросах: провозглашён и обеспечен институциональными механизмами принцип запрета применения силы или угрозы силой, а сформировавшиеся во второй половине предыдущего столетия законы и обычаи войны развились в значительную по нормативному объёму и получившую универсальное международное признание отрасль — международное гуманитарное право.

Вместе с тем, новое *ius in bello*, как и *ius ad bellum*, редко оставляют как у специалистов, так и у международной общественности полное удовлетворение от результатов их фактического применения. Признавая, что наличие юридически обязательных норм ведения вооружённых конфликтов является достижением само по себе, бесчисленные комментаторы неизменно указывают на довольно низкий уровень соблюдения применимых норм международного права. Провозглашённый пунктом 4 статьи 2 Устава ООН принцип запрета применения силы или угрозы силой нарушался в международных отношениях после 1945 года десятки раз, совершённые в тот же период военные преступления, используя выражение из преамбулы Римско-

го статута Международного уголовного суда, потрясли совесть человечества.

Вряд ли можно прокомментировать сложившуюся ситуацию ярче Э.Давида, который в заключительной части своего объёмного курса права вооружённых конфликтов пишет: «Свидетельства о нарушениях *ius in bello* настолько многочисленны, что невольно задаёшь себе вопрос: не являются ли предшествующие сотни страниц плодом какой-либо шизофренической фантазии и, более того, существует ли вообще право вооружённых конфликтов где-либо, кроме документов, содержащих его нормы, да в головах юристов, которые их комментируют?...»¹. Э.Давид приходит к следующему выводу: «Данная проблема относится к сфере не права, а политических, экономических и общественных наук, в том числе социологии, психологии, антропологии, экономики и т.д.»².

Оставляя проблемы соблюдения международного права вообще и международного гуманитарного права в частности за рамками данной статьи, мы не можем не отметить, что они в значительной степени определяют контекст любой юридической работы с соответствующим нормативным материалом. Это в полной мере относится и к работе международных судебных учреждений, применяющих международное гуманитарное право.

Международное гуманитарное право справедливо рассматривается юристами-международниками в качестве одного из локомотивов процесса гуманизации международного права. Взаимное влияние международного права прав человека и международного гуманитарного права, развитие «международного уголовного права войны» (то есть норм, регулирующих индивидуальную уголовную ответственность за серьёзные нарушения международного гуманитарного права), укрепление роли международного обычая как источника международного гуманитарного права, применимого, среди прочего, к вооружённым конфликтам немеждународного характера — все эти события свидетельствуют, по авторитетному мнению Т.Мерона³, о «гуманизации права войны». Вместе с тем, он признаёт, что

¹ Давид Э. Принципы права вооружённых конфликтов. 2-е русское издание, основанное на 4-м французском издании, с дополнениями автора. М., 2011. С. 960.

² Там же.

³ См.: Meron T. The Humanization of International Law. Leiden. Boston, 2006. P. 1–90.

уникальность данной отрасли международного права, например, проявляется так: «Хотя гуманитарные нормы имеют менее ясную перспективу реального соблюдения, чем другие нормы международного публичного права, они пользуются большей моральной поддержкой. Судьи (*sic* — *H.G.*), учёные, правительства и неправительственные организации зачастую готовы смириться с довольно большим разрывом между практикой и нормами, не ставя под сомнение их обязательный характер. Постепенное и частичное соблюдение норм часто принимается как достаточное для выполнения требований к формированию обычного права. Роль противоположной практики приуменьшается»⁴.

Готовность судей — в числе прочих профессионалов в сфере международного права — смириться с разрывом между практикой применения международного гуманитарного права и его нормами в приведённой выше цитате констатируется Т. Мероном — дважды председателем Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии и председателем Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов — с тем, чтобы подчеркнуть несомненность юридической силы и значения норм этой отрасли международного права. Иными словами, противоречащая практика в случае международного гуманитарного права не воспринимается как свидетельствующая о возникновении иных (обычных) норм, регулирующих вооружённые конфликты. Как по тому же поводу пишет Ж.-М. Хенкерте, «нарушения международного гуманитарного права происходят не из-за неадекватности его норм. Они, скорее, проистекают из нежелания соблюдать нормы, недостаточных средств для их принудительного применения, неуверенности в отношении их действия в определённых обстоятельствах и недостатка знаний о них со стороны политических лидеров, командиров, комбатантов и общественности в целом»⁵.

Итак, многочисленные случаи несоблюдения норм международного гуманитарного права не воспринимаются как отрицание их существования и юридической обязательно-

сти. Следовательно, применимость международного гуманитарного права международными судебными учреждениями для разрешения рассматриваемых ими дел не ставится под сомнение, даже не смотря на очевидную опасность резкого несоответствия провозглашённых соответствующим судом постулатов фактической ситуации. В конце концов, функция любого суда — найти именно *правовое* решение поставленной перед ним проблемы. В контексте вопроса о международных судебных учреждениях и международного гуманитарного права очевидно, что каждое такое решение призвано усилить соблюдение требований норм последнего и уверенность международного сообщества в их действенности.

Применение международного гуманитарного права международными судебными учреждениями

Помимо общей цели, на которой мы завершили рассмотрение вопроса об ожиданиях и реальности применения международного гуманитарного права, применяющие его международные судебные учреждения стоят перед конкретными задачами, обусловленными их уставными документами.

Международный Суд ООН

Итак, начнём с Международного Суда ООН — главного судебного учреждения в системе ООН, имеющего юрисдикцию разрешать споры между государствами и давать консультативные заключения по запросу уполномоченных согласно Уставу ООН учреждений. Обе составляющие юрисдикции Международного Суда оставляют дверь для судебного разрешения вопросов международного гуманитарного права не слишком широко открытой. Как мы отмечали ранее⁶, характер отношений между участниками вооружённых конфликтов зачастую практически исключает их сотрудничество, минимально необходимое для достижения согласия о рассмотрении спора в международном суде

⁴ *Meron T.* Op. cit. P. 3. Здесь и далее переводы цитат принадлежат автору статьи.

⁵ *Henckaerts J.-M.* Study on customary international humanitarian law: A contribution to the understanding and respect for the rule of law in armed conflict // *International Review of the Red Cross*. Vol. 87. No. 857. March 2005. P. 176.

⁶ *Гнатовский Н.Н.* Гуманитарное право в международных судебных учреждениях: опасна ли институциональная фрагментация? // *Международное правосудие*. 2012. № 1(2). С. 79–80.

или арбитраже. Впрочем, даже когда такое согласие достигается, оно будет касаться, прежде всего, первоначальной причины конфликта, и, следовательно, речь в судебном рассмотрении будет идти о нормах «мирного» международного права, а не о поведении сторон во время вооружённого конфликта, регулируемом нормами международного гуманитарного права. И в самом деле, из всех рассмотренных Международным Судом споров, в которых затрагивались вопросы международного гуманитарного права, лишь однажды — в *деле о вооружённых действиях на территории Конго*⁷ («Демократическая Республика Конго против Уганды», решение по существу дела от 19 декабря 2005 года) — речь шла о вооружённом конфликте международного характера. Представляется, что это дело свидетельствует, скорее, об исключении, связанном с особенностями современных вооружённых конфликтов в Африке, чем о правиле. Дело в том, что некоторые африканские государства (Демократическая Республика Конго и Уганда — в их числе) неоднократно демонстрировали исключительную готовность сотрудничать с международным правосудием, не только соглашаясь на рассмотрение дел с их участием Международным Судом ООН, но и самостоятельно передавая сложившиеся в их странах ситуации для расследования в Международный уголовный суд⁸.

Говоря о двух других межгосударственных спорах, в которых Международный Суд ООН прямо обращался к вопросам международного гуманитарного права, то в *деле о проливе Корфу* («Великобритания против Албании», решение по существу дела от 9 апреля 1949 года) Суд, хоть и обосновал крайне важную для международного гуманитарного права концепцию элементарных соображений гуманности, собственно нормы права вооружённых конфликтов счёл неприменимыми⁹. На втором — *деле о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и про-*

тив Никарагуа («Никарагуа против США», решение по существу дела от 27 июня 1986 года)¹⁰ — стоит остановиться подробнее, поскольку оно довольно ярко показывает, с одной стороны, возможности Международного Суда по развитию и утверждению международного гуманитарного права, а с другой — реальные последствия рассмотрения международного спора по вопросам применения силы в ситуации, когда одна из его сторон категорически отказывается сотрудничать с Судом.

Решение Суда о наличии у него юрисдикции рассматривать это дело и о его приемлемости было воспринято Соединёнными Штатами резко негативно. Они отказались от дальнейшего участия в деле, исполнения решения суда, а также пошли на такой радикальный шаг, как отзыв декларации по статье 36(2) Статута Международного Суда о признании его юрисдикции. Причиной такого разочарования, очевидно, не в последнюю очередь стало отсутствие запланированного результата от предусмотренной в декларации США о признании юрисдикции Суда оговорки о неприменении данной декларации к спорам, вытекающим из многосторонних договоров. Суд вынужден был принять во внимание данную оговорку, согласно которой из сферы действия заявления были исключены «споры, возникающие по многосторонним договорам, интересы которых затрагиваются этим решением, также являются сторонами по делу, находящемуся на рассмотрении в Суде или если 2) США не дают специального согласия на юрисдикцию Суда». В этой связи положения Женевских конвенций могли быть применены Судом лишь в той мере, в какой они отражали также содержание общего обычного международного права.

По этому вопросу Международный Суд отметил, что обязательства США, изложенное в статье 1, общей для четырёх Женевских конвенций о защите жертв войны

⁷ International Court of Justice. *Armed Activities on the Territory of the Congo* (Democratic Republic of the Congo v. Uganda). Judgment, I.C.J. Reports 2005. P. 168.

⁸ См.: Müller A. Th., Stegmiller I. Self-Referrals on Trial : From Panacea to Patient // Journal of International Criminal Justice. 2010. Vol. 8. No. 5. P. 1267–1294.

⁹ International Court of Justice. *Corfu Channel* (United Kingdom v. Albania). Judgment of 9 April 1949 // I.C.J. Reports. 1949. P. 18. См. также: Cançado Trindade A.A. *International law for humankind : towards a new jus gentium*. Leiden — Boston, 2010. P. 395 et seq.

¹⁰ International Court of Justice. *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. I.C.J. Reports 1986. P. 14.

1949 года, «соблюдать и обеспечивать соблюдение¹¹» конвенций при любых обстоятельствах, имеет источником не только сами Женевские конвенции, но также и «общие принципы гуманитарного права, нашедшие в конвенциях своё конкретное выражение»¹². Несмотря на выраженные в особых мнениях судей Р.Дженнингса и Р.Аго¹³ сомнения в том, что Женевские конвенции 1949 года действительно способны отражать обычное международное гуманитарное право, сегодня эта точка зрения находит мало противников даже среди американских юристов-международников¹⁴. Вслед за Международным Судом та же точка зрения высказывается другими международными судебными учреждениями, в частности — Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии (*далее* — МТБЮ)¹⁵.

Данный подход был развит и далее в решении, где речь идёт об установлении норм и принципов обычного международного гуманитарного права, согласно которым Судом оценивалась поведение США. В этом контексте Суд оперирует выражением «основополагающие общие принципы гуманитарного права» (*fundamental general principles of humanitarian law*), определив, таким образом, их как часть обычного международного права. Женевские конвенции 1949 года, как сказано в решении, «в некоторых аспектах развивают, а в других — всего лишь отражают такие общие принципы»¹⁶.

Ещё один (и далеко не последний) важный аспект решения Суда состоит в оценке статьи 3, общей для четырёх Женевских конвенций 1949 года. Эта статья на момент своего включения в позитивное международное право имела, несомненно, революционный

характер, впервые предусмотрев международно-правовые ограничения ведения «вооружённых конфликтов немеждународного характера» (то есть гражданских войн) на территории государств-участников конвенций. В 1986 году Международный Суд пошёл дальше, назвав общую статью 3 «минимальным стандартом» (*minimum yardstick*), которого должным образом придерживаться стороны любого конфликта: как международного, так и немеждународного. Более того, Суд провёл параллель со своим решением по делу о проливе Корфу, заявив, что положение общей статьи 3 отражают «элементарные соображения гуманности»¹⁷.

В решении по делу о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа содержится несколько других важных толкований норм и принципов международного гуманитарного права (в частности, о концепции гуманитарной помощи во время вооружённых конфликтов, об ответственности государств за действия третьих лиц, нарушающие международное гуманитарное право), что в целом не даёт возможности сомневаться в его неординарном значении для развития данной отрасли международного права. Вместе с тем, практическое значение решения Международного Суда для урегулирования ситуации в Никарагуа и, в частности, для прекращения попыток Соединённых Штатов, направленных на свержение Сандинистского правительства, в том числе с нарушением норм международного гуманитарного права, было минимальным. Достаточно сказать, что США применяли право вето в отношении любых проектов резолюций Совета Безопасности ООН, требовавших исполнения решения Международного Суда¹⁸.

¹¹ О причинах использования автором именно этого варианта перевода общей статьи 1 см.: Гнатовский Н. Н. Указ соч. С. 80. Прим. 13.

¹² International Court of Justice. *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. I.C.J. Reports 1986. P. 14. Para. 220.

¹³ International Court of Justice. *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (Nicaragua v. United States of America). Separate Opinion of Judge Jennings. I.C.J. Reports 1986. P. 527; Separate Opinion of Judge Ago. Ibid. P. 174–175.

¹⁴ См.: *Meron Th.* The Geneva Conventions as Customary Law // The American Journal of International Law. Vol. 81. No. 2. April 1987. P. 348–370.

¹⁵ Например, в решениях МТБЮ по делам Тадица (International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Tadic Case. Case No. IT-94-1. Appeals Chamber. Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction. 2 October 1995. § 98: «Некоторые договорные нормы постепенно стали частью обычного права. Это, в частности, касается общей статьи 3 Женевских конвенций 1949 года...»), Кунараца, Ковача и Вуковича (International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Kunarac, Kovač and Vuković Case. Case No. IT-96-23&23/1. Appeals Chamber. Judgment. 12 June 2002. § 68), Блашкича (International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Blaskić Case. Case No. IT-95-14. Trial Chamber. 3 March 2000. § 166), Налетичича и Мартиновича (International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Prosecutor v. Naletilić and Martinović Case. Case No. IT-98-34. Trial Chamber. Judgment. 31 March 2003. § 228).

¹⁶ International Court of Justice. *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. I.C.J. Reports 1986. P. 14. Para. 218.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ United Nations Security Council Document 18428. URL: <http://www.undemocracy.com/S-18428.pdf> (дата обращения: 05.04.2013).

В ещё большей степени «антипрактическая» тенденция прослеживается при анализе значения консультативных заключений, данных Международным Судом по вопросам международного гуманитарного права. Если в консультативном заключении *о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории*¹⁹ от 9 июля 2004 года Суд сформулировал важные (хоть и небесспорные) постулаты о действии норм международного права, применимых к ситуации военной оккупации, и соотношении в этом контексте международного гуманитарного права и международного права прав человека, то консультативное заключение *о правомерности угрозы ядерным оружием или его применения*²⁰ от 8 июля 1996 года определило границы того, что можно ожидать от главного международного судебного органа в сложном вопросе соотношения норм и принципов международного гуманитарного права с вопросами самого существования государства, имеющими, как следует из консультативного заключения, скорее метаюридический характер. Вывод Суда, по сути сводящийся впервые в его истории к провозглашению *non liquet*, совершенно необязательно следует критиковать, поскольку вполне разумно звучат доводы о том, что любой ясный ответ не привёл бы ни к каким положительным практическим последствиям, лишь подорвав доверие международного сообщества к своему главному судебному органу²¹.

Итак, в результате применения международного гуманитарного права для разрешения межгосударственных споров и дачи консультативных заключений Международный Суд, как справедливо принято отмечать в таких случаях, внёс вклад в развитие и толкование положений международного гуманитарного права. Этот вклад — важный пред-

мет для научных исследований, тем более значимый, что для международного права в целом и международного гуманитарного права в частности любое авторитетное подтверждение его действенности и конструктивное толкование являются более чем желательными. В то же время, непосредственные практические последствия такого применения не вызывают чрезмерного оптимизма, поскольку не способны обеспечить немедленное удовлетворение требований пострадавших от вооружённых конфликтов лиц или выступить решающим фактором, определяющим поведение государств и иных международных акторов в рассматриваемых Судом ситуациях.

Международные уголовные суды и трибуналы

Международные уголовные суды и трибуналы применяют, прежде всего, материальные и процессуальные нормы международного уголовного права²². Вместе с тем, как свидетельствуют полные названия международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, основной целью создания первого было привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в серьёзных нарушениях международного гуманитарного права, а второго — виновных в преступлении геноцида и других нарушений международного гуманитарного права²³. Не вызывает сомнений, что именно создание Советом Безопасности ООН этих двух трибуналов *ad hoc* стало решающим шагом к становлению реализации идей уголовного преследования индивидов за преступления против международного права на основании последнего и институтами, имеющими международную, а не национальную природу. Принятие Римского статута Международного уголовного суда и работа на его основе первого в истории постоянного органа

¹⁹ Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004. P. 136.

²⁰ Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1996. P.226.

²¹ См.: Koskenniemi M. Case Analysis: Faith, Identity, and the Killing of the Innocent: International Lawyers and Nuclear Weapons // Leiden Journal of International Law. Vol. 10. Issue 01. March 1997. P. 137–162.

²² Представляется, что вести речь о материальном международном уголовном праве и международном уголовном процессе как отдельных друг от друга отраслях международного права в настоящее время несколько преждевременно.

²³ «Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьёзные нарушения международного гуманитарного права, совершённых на территории бывшей Югославии с 1991 года», «Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьёзные нарушения международного гуманитарного права, совершённые на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершённые на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года». В последнем случае любопытно, что геноцид отнесён Советом Безопасности ООН к серьёзным нарушениям международного гуманитарного права, а не международного права прав человека.

международного уголовного правосудия также ясно подчеркнули реальное существование в международном праве института индивидуальной уголовной ответственности за серьёзные нарушения международного гуманитарного права. Текст статьи 8 Римского статута — крупнейшую и беспрецедентную в истории кодификацию военных преступлений по международному праву — следует считать источником и международного уголовного права, и международного гуманитарного права.

Итак, различные органы международного уголовного правосудия имеют дело с последствиями серьёзных нарушений международного гуманитарного права, применяя его в качестве «первичного права» для «вторичного» по своей правовой природе института военных преступлений. Более того, есть основания полагать, что и в случае «родственных» военным преступлениям категорий преступлений против международного права — геноцида и преступлений против человечности — международное гуманитарное право, наряду с международным правом прав человека, также должно рассматриваться в качестве «первичного права», нормы которого нарушаются упомянутыми преступлениями.

Рассматривая возможности органов международного уголовного правосудия, представляется целесообразным выделить два аспекта: эффективность реализации индивидуальной уголовной ответственности и вклад соответствующих органов в развитие международного права (в том числе и гуманитарного). Анализ результатов деятельности международных уголовных судов и трибуналов в первом из этих направлений — вопрос непростой. В то время как деятельность Международного уголовного суда лишь постепенно набирает обороты, отнюдь не преждевременной представляется оценка достижений МТБЮ — наиболее широко цитируемого ор-

гана международного уголовного правосудия. М. Коскенниemi, определивший границы возможностей международного уголовного правосудия «между Сциллой безнаказанности и Харибдой показательных процессов», более десяти лет назад так охарактеризовал практические результаты работы трибунала: «Пока что сухие и бюрократические процедуры в МТБЮ не слишком впечатлили народы на территории бывшей Югославии. Не существует значительного количества свидетельств о развитии чувства вины среди населения. Интерес, с которым в прессе и на местах следили за судом над Милошевичем, различался. Годы спустя появились другие заботы. В природе уголовных судов — знаменитая нюрнбергская монотонность, столь огорчающая журналистов, но необходимая в сложном правовом процессе. И всё же, не устаёшь задаваться вопросами: в какой степени процесс, проведённый перед иностранными судьями в Гааге, способен достичь дидактических целей, к которым он стремился; в какой степени память Балкан может строиться или направляться международным процессом»²⁴. Думается, что время подтвердило точность оценки М. Коскенниemi и уместность задаваемых им вопросов.

Результативность второго аспекта деятельности международных уголовных судов и трибуналов — развития международного права — едва ли вызывает серьёзные сомнения. Это так, во всяком случае, если не смешивать данный вопрос с имеющимися у некоторых комментаторов сомнениями в отношении (или даже резкой критикой²⁵) первого направления — собственно отправления правосудия. Так, вклад МТБЮ в развитие международного гуманитарного права состоит в уточнении предметной сферы его применения путём определения понятия «вооружённый конфликт» и классификации таких конфликтов, конкретизации ряда положений права, регулирующего ведение вооружённых

²⁴ Koskenniemi M. Between Impunity and Show Trials // The Politics of International Law. Oxford and Portland, 2011. P. 197. Впервые эта статья М. Коскенниemi была опубликована в 2002 году (Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2002. Vol. 6. P. 1–36).

²⁵ См., например: Мезяев А. Б. Интервью с судьёй Международного трибунала по бывшей Югославии Я. Бономи // Казанский журнал международного права. № 3. 2009–2010. С. 100–101. Тон публикации лучше всего можно почувствовать, прочитав заключительные фразы из комментария интервьюера: «В последнее время всё чаще у нас ссылаются на те или иные решения МТБЮ, просто так, без какого-либо анализа. Дескать, трибунал постановил то-то и то-то, Дескать, трибунал “развил международное право”. В этой связи очень важно, чтобы российские юристы-международники и российские дипломаты знали, какова сила “юридической” аргументации в МТБЮ и какова цена всем этим “решениям”, не имеющим ничего общего ни с правом, ни, тем более, с его развитием» (Мезяев А. Б. Указ. соч. С. 101).

конфликтов (права Гааги), в частности — права, применимого к проведению военного нападения, принципов проведения различия и соразмерности, преступления незаконного нападения на гражданских лиц или гражданские объекты, а также права, регулирующего обращение с лицами, находящимися во власти противника (право Женевы), в частности, понятие «покровительствуемого лица» и т. д.²⁶

В целом складывается впечатление, что работа международных уголовных судов и трибуналов в сфере применения международного гуманитарного права схожа с достижениями Международного Суда ООН — развитие правовых концепций и толкование норм международного права вовсе не сопровождаются существенными достижениями в разрешении фактически сложившихся конфликтных или постконфликтных ситуаций.

Региональные суды по правам человека

Принципиальное отличие региональных судов по правам человека, в частности Европейского и Межамериканского, от Международного Суда ООН или международных уголовных судов и трибуналов заключается в возможности обращения туда непосредственно лица, права которого были нарушены государством. Впрочем, для признания нарушения прав заявителя и выплаты ему компенсации (в терминологии Европейского Суда по правам человека — «справедливой сатисфакции») необходимо сослаться не на нарушения международного гуманитарного права, а конкретные статьи региональной конвенции по правам человека. Объем данного очерка не предоставляет возможности автору подробно анализировать особенности применения международного гуманитарного права региональными судами по правам человека, что в определенной степени уже бы-

ло им проделано в другой публикации²⁷. Для целей данной статьи следует заметить, что те же два аспекта применения международного гуманитарного права, о которых шла речь в отношении Международного Суда ООН и международных уголовных судов и трибуналов, просматриваются и в деятельности Европейского и Межамериканского судов по правам человека.

Говоря о практических результатах управления правосудия судами по правам человека в отношении ситуаций вооруженных конфликтов, следует признать их эффективность, выражающуюся как минимум в том, что других реальных способов добиться в индивидуальном порядке возмещения понесенного ущерба жертвам вооруженных конфликтов международное право не предлагает. Вместе с тем, подобная компенсация едва ли может носить массовый характер, а потому опасения в отношении возможного преувеличения роли региональных систем защиты прав человека как органов, обеспечивающих санкции за нарушения норм международного гуманитарного права, имеют все основания²⁸.

Если практический аспект применения международного гуманитарного права судами по правам человека ещё может вызывать некий оптимизм, то их вклад в развитие и лучшее понимание норм данной отрасли международного права довольно сомнителен. Представляется противоречивой оценка этого аспекта, высказанная Т.Мероном. С одной стороны, он справедливо констатирует: «Органам [по правам человека], применяющим гуманитарное право, часто не хватает знаний права войны. Они демонстрируют тенденцию к умозаключениям, которые эксперты по гуманитарному праву находят сомнительными»²⁹. Кажется бы, каким может быть вклад в развитие гуманитарного

²⁶ Среди множества работ, в той или иной степени рассматривающих вклад международных уголовных трибуналов (и, в частности, МТБЮ) в развитие международного гуманитарного права, наиболее общий характер имеют следующие: *Quéguiner J.F.* Dix ans après la création du Tribunal pénal international pour l'exYougoslavie: évaluation de l'apport de sa jurisprudence au droit international humanitaire // *Revue Internationale de la Croix Rouge*. Vol. 85. No. 850. June 2003. P. 271—311; *Greenwood C.* The Development of International Humanitarian Law by the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia // *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. Vol. 2. 1998. P. 97—140; *Aksar Y.* Implementing International Humanitarian Law. From The Ad Hoc Tribunals to a Permanent International Criminal Court. London — New York, 2004; *van den Herik L.J.* The Contribution of the Rwanda Tribunal to the Development of International Law. Boston — Leiden, 2005.

²⁷ *Гнатовский Н.Н.* Вопросы международного гуманитарного права в практике региональных судов по правам человека // Российский ежегодник международного права. 2011. Специальный выпуск. С. 125—155.

²⁸ *Philippe X.* Sanctions for violations of international humanitarian law: the problem of the division of competences between national authorities and between national and international authorities // *International Review of the Red Cross*. Vol. 90. No. 870. June 2008. P. 359—370.

²⁹ *Meron T.* Op. cit. P. 8.

права со стороны органов, действующие лица которых не отличаются специальными знаниями предмета? Ответ Т. Мерона несколько удивляет: «Их исключительный идеализм и наивность являются, впрочем, их главной силой. Существует не так много судебных и других экспертных гуманитарных органов, уполномоченных применять гуманитарное право. Органы по правам человека таким путём заполняют институциональный разрыв и придают международному гуманитарному праву ещё более правозащитную направленность»³⁰. Представляется, что едва ли какая-либо существенная направленность может быть придана международному гуманитарному праву теми, кто не обладает достаточным его знанием и пониманием. Данная отрасль международного права, по нашему убеждению, может существовать лишь как компромисс между гуманистической направленностью и требованиями военной необходимости. Любое нарушение тонкого баланса между ними неизбежно будет не усиливать, а ослаблять нормы международного права, призванные облегчать страдания жертв войны и регулировать поведение её сторон. Впрочем, следует отдать должное, например, Европейскому Суду по правам человека: насколько это возможно, он избегает выносить любые суждения в отношении действия норм международного гуманитарного права как таковых³¹. Кроме того, общая перегруженность того же Европейского Суда по правам человека сугубо «мирными» жалобами на нарушение прав человека делает трудновообразимым его более активную, чем сейчас, вовлечённость в ситуации вооружённых конфликтов.

Заключение

Краткий обзор особенностей деятельности различных международных судебных учреждений по применению норм международного гуманитарного права следует завершить повторением тезиса о важности этой их деятельности. Для отрасли международного права, преследующей гуманитарные цели и по-

стоянно испытывающей вопиющие нарушения своих норм, любые решения органов международного правосудия, подтверждающие её значение, крайне важны. И Международный Суд ООН, и органы международного уголовного правосудия сделали немало для развития международного гуманитарного права, выяснения ряда его сложных аспектов, поддержания юридической силы обязательств, вытекающих не только из договорных, но и из обычных источников. В этой связи вклад в развитие международного гуманитарного права региональных судов по правам человека значительно более скромнен, что объясняется и особенностями стоящих перед этими судами задач, и характером профессиональной подготовки их судей.

Что касается практических результатов деятельности международных судебных учреждений по применению международного гуманитарного права, то картина менее оптимистична. Факторами, ограничивающими влияние их решений на ход конкретных вооружённых конфликтов и восстановление нарушенных прав их жертв, являются общее нежелание государств передавать самые чувствительные вопросы на рассмотрение Международного Суда ООН, нередко скептическое отношение к международному уголовному правосудию по политическим причинам (да и в связи с просчётами самих международных уголовных судов и трибуналов) и особенности предназначения региональных судов по правам человека, изначально не слишком приспособленных для решения вопроса нарушения прав человека в контексте вооружённых конфликтов.

Тем не менее, как ни серьёзны ограничения для международного правосудия в сфере международного гуманитарного права, каков бы ни был скепсис многих государств и комментаторов, каждое рассмотренное ими дело, в котором было применено международное гуманитарное право, в конечном счёте, оказывает последнему важную услугу. В конце концов, лишним союзником у гуманитарных норм и ценностей не бывает.

³⁰ Meron T. Op. cit. P.8.

³¹ Forowicz M. The Reception of International Law in the European Court of Human Rights. Oxford, 2012. P. 350–351.